

МАРКСИЗМ, НЕОМАРКСИЗМ И ПОСТСОВЕТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Л. Г. Титаренко

Белорусский государственный университет,
факультет философии и социальных наук,
ул. Кальварийская 9, 220004, Минск, Республика Беларусь
e-mail: larissa@bsu.by

Роль марксизма в современных условиях до сих пор дискутируется. Очевидно, что в условиях XX в. ряд идей Маркса требует корректировки. Неомарксисты развивали критический подход к капитализму и советскому государственному капитализму и полагали, что необходим радикально иной путь социально-экономического развития. Современные неомарксистские идеи связаны с критикой догоняющей модернизации, согласно которой менее развитые (бывшие колониальные и постсоветские) страны в попытках догнать развитые страны Запада всегда будут сильно отставать от последних, даже осуществляя модернизацию экономики. Проводимые в постсоветских странах модернизации, независимо от политической риторики, могут обеспечить технический прогресс и инновации, благодаря которым эти страны будут больше интегрированы в мировой рынок, одновременно становясь более зависимыми от него. Парадокс постсоветской модернизации в том, что технический прогресс не обязательно обеспечит социальный прогресс и улучшение жизни народа. Для этого по-прежнему необходимы революционные преобразования.

Ключевые слова: модернизация; марксизм; парадоксы; капитализм; социальные противоречия.

MARXISM, NEO-MARXISM AND POST-SOVIET MODERNIZATION

L. G. Titarenko

Belarusian State University,
Faculty of Philosophy and Social Science,
Kalvariskaja Str. 9, 220004, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: larissa@bsu.by

Role of Marxism in modern society is still under discussion. It is clear that under conditions of the XX c. Marxist ideas need to be adjusted. Neo-Marxist thinkers developed critical philosophical approach to both capitalism and Soviet state communism. They argued that a different path of socio-economic development from capitalism or soviet communism was needed. Modern neo-Marxist ideas are associated with the criticism of catch-up modernization, according to which less developed (former colonial and post-soviet) countries in their attempts to catch up with the Western developed countries will always lag far behind the latter, even by modernizing the economy. Modernization in the post-Soviet countries, regardless of political rhetoric, can provide technological progress and innovation, through which these countries can be more integrated into the world market, while becoming more dependent on it. The paradox of post-soviet modernization is that technological progress does not necessarily ensure social progress and improvement of people's lives. For this, revolutionary transformations are still necessary.

Keywords: modernization; Marxism; paradoxes; capitalism; social contradictions.

Роль марксизма в современном мире остается дискуссионной. Очевидно, что многие идеи Маркса устарели и требуют адаптации к новым социально-политическим и экономическим условиям. Первую значительную коррекцию идей Маркса осуществили неомарксисты Франкфуртской школы, которые одинаково критично относились к позднему капитализму и советскому госкапитализму, полагая, что необходим поиск иного пути и движущих сил социально-экономического развития общества. Критическая теория объясняла успехи позднего капитализма развитием технической рациональности, которая способствует росту отчуждения, делает человека одномерным и легко манипулируемым посредством СМИ, массовой культуры и т.п. Высокая производительность позднего капитализма разрушительна для свободного развития человеческих потребностей и способностей [1].

Современная критика марксизма включает новые аргументы, которые достаточно противоречивы. Так, некоторые авторы считают, что модернизация постсоветских стран и стран Восточной Европы, носящая, по сути, капиталистический характер, доказывает ошибочность представлений Маркса о будущем крахе капитализма. Поскольку бывшие страны социализма следуют западным моделям развития, постольку современный капитализм представляется им более привлекательным, нежели проигравший социализм. Желание бывших социалистических стран модернизироваться интерпретируется многими учеными и политиками как их стремление встроиться в мир капитализма, стать его составной частью. Что касается построения в развитых странах Запада информационного общества в конце XX в., этот факт трактуется как доказательство несостоятельности взглядов Маркса на общий ход исторического процесса с его переходами от одной фиксированной ступени развития к последующей, более прогрессивной. В пике универсализму марксизма был выдвинут и цивилизационный подход, согласно которому разные страны могут успешно развиваться по собственному пути и достигать высоких результатов, не следуя никакой общей модели или схеме развития. Теория мультимодернов признает наличие многих равноценных цивилизаций в мире (китайской, индийской, японской, мусульманской и т.п.), где западный модерн – лишь один из возможных путей развития [9]. В соответствии с этой методологией утверждается, что страны могут проводить модернизацию экономики разными способами, с учетом собственного исторического и культурного наследия. Описывая динамику модернизации, израильский социолог Ш.Айзенштадт утверждал, что кроме определенного экономического уровня и структурной дифференциации, необходима институциональная система, способная успешно справляться с изменениями и проблемами, связанными с модернизацией. Модернизация – это системное изменение, которое в значительной мере зависит от культурного (ценностей, норм, религии) и политического (институты власти) компонентов. Существует

множество форм, в которых может протекать процесс модернизации, и эти формы существенно отличаются друг от друга. Айзенштадт утверждал, что развитие модернизирующегося общества может протекать и при авторитарном типе правления, и при демократии. Частично эти различия могут быть объяснены за счет исторического прошлого каждого общества (path dependency), временных совпадений, действия элит и т.п. Советский тип модерна признается в рамках цивилизационного подхода проигравшим по ряду конкретных причин, связанных с властными (а не технико-экономическими) институтами, что, тем не менее, не перечеркивает реальность его существования в XX в. как особого, не западного типа общества [8]. Этот тип модерна отличался многосторонними «претензиями на то, чтобы превзойти западный модерн», соединенными с имперскими и глобальными амбициями [1, с. 20]. В то же время китайский тип коммунистического модерна оказался более успешным, т.к. он изначально опирался, кроме модернистских идей, на исторические традиции своего общества.

Согласно неомарксистскому мир-системному подходу И. Валлерстайна, Россия как страна, относящаяся к полупериферии, никогда не сможет догнать процветающий капиталистический Север. Для разрушения существующей системы глобального социального неравенства нужна консолидация всех народов периферии, что в современных условиях маловероятно. Отдельные же попытки модернизации не изменят существующего неравенства [2]. Неомарксистская теория зависимости делает акцент на глобальной эксплуатации богатым Севером бедных государств Юга и также доказывает, что догоняющая модернизация не может изменить это неравенство.

Тем не менее, такие постсоветские страны, как Россия и Беларусь, активно пытаются завершить модернизацию, начатую в СССР, возлагая на нее огромные надежды как на механизм построения более эффективной экономики, повышения конкурентоспособности на мировом рынке, роста инновационности производственных процессов. Эта ступень модернизации связывается с четвертой промышленной революцией, развитием «общества знания», роботизацией, дигитализацией [7]. При этом недооцениваются риски, связанные с технолого-экономической модернизацией. Как показал Р.Инглхарт, эмпирически исследовавший процесс модернизации в более чем 100 странах мира, он протекает по-разному в зависимости от уровня уже достигнутого развития страны. В экономически богатых и технологически продвинутых странах Запада вместе с НТП возрастает благополучие общества и упрочиваются свободы, общество становится более открытым и толерантным, повышается уровень доверия между гражданами и социальными институтами, более эффективно защищаются права каждого гражданина, возрастает свобода выбора людей и возможности их самореализации. Однако это все достижимо, только если НТП функционирует во имя интересов всего

общества. Если технический прогресс подчинен целям рынка, последствия модернизации могут быть негативными [3]. В таком обществе вероятно потеря рабочих мест не только среди лиц, занятых индустриальным трудом, но и среди представителей среднего класса, профессионалов, чей труд также заменят машины. Этот труд будет более дешевым и вытеснит людей из сферы труда если не окончательно, то в значительной степени: вырастет неполная занятость профессионалов даже в самых развитых странах, снизится уровень их жизни и защищенности, могут быть потеряны трудовые и социальные гарантии труда, вплоть до увольнения и безработицы. По предварительным расчетам, переход к четвертой промышленной революции приведет к сокращению не менее 5 млн. рабочих мест. Эта тенденция уже имеет место в развитых странах Запада, в связи с чем там растут протесты трудящихся в ведущих европейских странах против сокращения рабочих мест, перевода на временные контракты, сокращение оплаты труда. Однако автоматизация производства давно подорвала возможности индустриальных рабочих отстаивать свои интересы, а с ростом роботизации экономики способности рабочей силы отстаивать свои интересы резко падают. Возможности занятого населения бороться за права в трудовой и политической сфере снижаются, а возможности молодого поколения получить хорошо оплачиваемую постоянную работу быстро падают.

Экономика постсоветских стран подвержена указанным рискам в значительно большей степени, чем западная, ввиду высокой неравномерности ее развития. По данным Н. И. Лапина, только шесть регионов России уже вошли в информационную стадию развития общества, а остальные регионы (абсолютное большинство) существенно отстали. В связи с этим в среднесрочной перспективе основной задачей в России является завершение первой, индустриальной стадии модернизации [4, с. 26]. Если не учитывать имеющуюся неравномерность развития регионов, то модернизация может усилить диспропорции и социальное неравенство граждан, проживающих в разных регионах. Чтобы этого избежать, требуется усилить общественный контроль над экономикой, найти формы сопряжения интересов бизнеса, политики и общественности. Этого можно достигнуть посредством сильного государства, работающего вместе с сильным гражданским обществом и социально ориентированным бизнесом ради обеспечения прозрачности принимаемых экономических решений. Эффективным механизмом может стать создание государством новых рабочих мест, занятость на которых обеспечивала бы трудовую мотивацию и приносила работникам чувство социальной включенности. В противном случае могут быть неизбежными «перекосы» в развитии регионов и секторов экономики, общее снижение социальной защищенности населения, рост прекариата. Экономическая зависимость граждан потенциально ведет к политической пассивности людей, снижению уровня их жизни, в конечном счете – к свертыванию в обществе

социальных программ, уменьшению степени свободы граждан, росту отчужденности в обществе и социальных конфликтов.

Целью модернизации в России, других странах постсоветского пространства должно являться, по мнению Н. И. Лапина, не только построение информационной экономики, т.е. технико-технологическое изменение, но еще три важных компонента: социально-экономический, социокультурный, институционно-регулятивный [5]. В своей целостности, они должны радикально изменить жизнь людей и развить человеческий потенциал. Главным критерием успеха модернизации является ее человеческое измерение: безопасность государства и общества, повышение качества жизни населения, устойчивость развития. Этот критерий модернизации может быть применим ко всему постсоветскому пространству.

В Беларуси первый этап модернизации проходил во второй половине XX в., а второй начался с большой задержкой, поэтому постсоветская модернизация получила название "догоняющей". Такая модернизация в принципе не позволяет достигать уровня развития самых передовых стран, ибо обрекает на постоянное копирование, следование за готовыми образцами, уже внедренными в передовых странах. Белорусская модернизация, проводимая «сверху», без достаточных для построения развитого информационного общества условий, т.е. без достаточного уровня развития экономики в целом и сравнительно высокого уровня материального благосостояния граждан (по данным мировой статистики, валовой национальный доход, включающий все субсидии, в 2016 г. достиг лишь 6218 долларов, или 49% от среднего дохода в мире [10]), осуществляется вопреки существующим теориям модернизации, требующим наличия определенных базовых условий для ее успешного проведения. С одной стороны, понятно желание любого правительства ее осуществить и сохранить социально-экономическую стабильность страны, с другой, вряд ли все технико-экономические изменения в обществе можно считать модернизационными. Индикатором реально проходящих в обществе изменений являются модернизационные ценности населения, и если в развитых информационных обществах они достаточно распространены, то в Беларуси, согласно замерам этих ценностей у студентов как наиболее активной и продвинутой части молодого поколения, их поддерживает от четверти до трети опрошенных. При этом модернизационные ценности молодежи развиваются этим поколением для достижения собственных целей, зачастую не связанных с интересами государства. Кроме того, поколение белорусских миллениалов проявляет достаточно пассивную гражданскую позицию и не спешит принимать на себя ответственность за будущее белорусского общества. Большинство представителей среднего и старшего поколений белорусов по-прежнему в той или иной степени выбирают традиционные ценности.

Парадокс постсоветской модернизации видится в том, что на словах признается ее многоаспектный характер и социальная направленность, но на практике акцент делается на технику и экономику в ущерб другим сферам и в ущерб развитию человека, ради блага которого и затевалась модернизация. Ничего общего с марксистскими идеями она не имеет. Разрешить этот парадокс на теоретической основе современного капитализма невозможно, независимо от личных симпатий и заявленных целей политических деятелей. Выход из ситуации связан с социально-экономической интеграцией постсоветских стран, отказом от догоняющей модернизации, фокусом на механизмы экономического развития, не препятствующие развитию личности и демократии.

Библиографические ссылки

1. Арнасон, Й. Коммунизм и модерн / Й. Арнасон // Социологический журнал. – 2011. – №1. – С. 10-36.
2. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. Пер. с англ. – СПб., Университетская книга, 2001. – 416 с.
3. Инглхарт, Р. «Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Р. Инглхарт : пер. с англ. – М., Мысль, 2018. – 347 с.
4. Лапин, Н. И. Спонтанность модернизации в регионах России и конституционные принципы ее регулирования / Н.И. Лапин // Власть. – 2017. – №3. – С. 25-33.
5. Лапин, Н. И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Ч. 1. Человеческая цивилизация перед лицом выбора конфигурации фундаментальных ценностей / Н.И. Лапин // Вопросы философии. – 2015. – № 4. – С. 3-15.
6. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. Пер. с англ. – М., АСТ, 2003. – 526 с.
7. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб: пер. с англ. – М., Эксмо, 2016. – 208 с.
8. Arnason, J. The future that failed. Origins and destinies of the Soviet model / J. Arnason. – London, Routledge, 1993. – 256 p.
9. Eisenstadt, S.N. Multiple Modernities / S.N. Eisenstadt // Daedalus. – 2000. – Vol.129. – № 1: – С. 1-29.
10. Belarus GDP per capita 1990-2018, available at <http://tradingeconomics.com/Belarus/gdp-per-capita>, accessed 25 April 2018.